

МАСТЕРА
ЧАОС

GREG F. GIFUNE

SAVAGES
CHILDREN
OF CHAOS

МАСТЕРА
ВРЕМЕНИ

ГРЕГ Ф. ГИФЬЮН

ДИКАРИ
ДЕТИ ХАОСА

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО
АНДРЕЯ ЛОКТИОНОВА

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)
Г51

Greg F. Gifune
SAVAGES
CHILDREN OF CHAOS

Публикуется с разрешения автора

Перевод с английского: *Андрей Локтионов*

В оформлении использована
иллюстрация *Михаила Емельянова*

Дизайн обложки: *Юлия Межова*

Savages, ©2016
Children of Chaos, ©2009, renewed 2018
© Андрей Локтионов, перевод, 2022
© Михаил Емельянов, иллюстрация, 2022
© ООО «Издательство АСТ», 2022

A decorative rectangular frame with ornate scrollwork at the corners and repeating patterns along the sides. The background within the frame is a cracked, marble-like texture. The word "ДИКАРИ" is centered in the middle of the frame.

ДИКАРИ

Искренне благодарю Мэтта Уортингтона
и всех сотрудников «Синистер грин пресс»

Посвящается Дэйву Томасу

Человеку не уничтожить в себе дикаря, просто отрицая внутренние порывы. Единственный способ избавиться от искушения — поддаться ему...

*«Доктор Джекил и мистер Хайд»
(Фильм, 1920 г.)*

ПОСЛЕ

Языки пламени рассекали тьму. Казалось, будто горит весь мир, и в некотором роде так оно и было. Стремительно распространяясь, огонь охватывал и сжигал всё на своем пути. Деревья и кусты вспыхивали, фонтаны искр выстреливали вверх и осыпались на землю, и было в этом величественном зрелище что-то прекрасное и страшное одновременно. Разрушительная сила, пылающая с неистовой яростью, мчалась сквозь ночь, словно соблазнительница. И, несмотря на морозящий дождь, налетевший со стороны обычно безмятежного моря, огонь продолжал набирать мощь и скорость, поглощая все в своей искрящейся агонии.

Но бушующее пламя было здесь не единственным хищником. Другой, новопровозглашенный, сидел и ждал, зачарованный огненным адом. Обнаженный, он укрылся в скудной тени, покрытый ранами, кровью и сажей, так что были видны лишь белки глаз, широко раскрытых, живых и кипящих голодной, первобытной жестокостью. Когда он наконец сдвинулся с места, то сделал это с потрясающей скрытностью, уверенно стал красться сквозь пылающую ночь: его движения были плавными, проворными и

ДИКАРИ. ПОСЛЕ

смертоносными. От огненного жара лицо у него покраснело, а глаза слезились и болели. Он невозмутимо наблюдал за огнем затуманенным взором. Боль стала теперь частью его, чем-то, что стоит не бояться, а скорее принять, укротить и преодолеть.

Пожар, такой обширный и мощный, что пламя освещало почти весь остров, будет полыхать еще несколько часов. И может, даже здесь, на краю земли, кто-нибудь заметит его и прибудет узнать, что случилось.

А может, и нет.

Возможно, из этой геенны нет спасения, нет выхода. И не было никогда. Может, это уже неважно, поскольку все изменилось. *Сам он* изменился. Он боялся, что в нем уже почти нет ничего человеческого, что он стал чем-то другим. Не совсем человеком.

Поднявшись с корточек, фантом с особым удовлетворением посмотрел на следы бойни.

«Проснись,— шепнул ему внутренний голос.— Проснись».

Но пробудиться от этого было невозможно.

Он повернулся и бросился в горящие, раскаленные добела джунгли, словно хищный зверь, в которого превратился.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Разум подсказывал ему, что это всего лишь забава и на короткое время он снова стал ребенком, который долго купался, а теперь играет на пляже,

ГРЕГ Ф. ГИФЬЮН

лежа на мокром песке у самой кромки воды. Далласу всегда нравились приключенческие истории и фильмы. Он помнил, как представлял себя бесстрашным героем, который сражается на берегу со злодеем или пытается выжить в открытом океане, борясь со стихиями, пиратами или смертоносными акулами. Иногда после кораблекрушения выживал он один. Его выбрасывало на берег необитаемого острова; измотанный, но живой, он какое-то время лежал на отмели, затем полз на сухой песок. Пока эти фантазии и воспоминания впервые за долгое время наводняли его разум яркими деталями, он не мог не осознать иронию происходящего, особенно когда буруны перекачивали его безвольное тело и каждая набегавшая волна переворачивала и выталакивала из воды. Разве мог он тогда, много лет назад, когда был еще маленьким, знать, что придет день — и его любимая игра станет жуткой реальностью?

Мир вокруг него был по-прежнему темным и размытым, поэтому либо зрение и сознание вернулись еще не полностью, либо он лишился чувств и теперь приходит в себя, а ночной океан швыряет его из стороны в сторону. В любом случае, он был абсолютно уверен, что все еще лежит в воде, но до берега недалеко, раз его тело скребет о каменистое дно. И впервые за последнее время Даллас чувствовал боль, которая пронзала грудь и шею у самого плеча. Он ощутил вкус соленой воды и крови и поперхнулся, затем осознал, что ползет уже сам. Скорее барахтается, чем ползет, потом он рухнул на мокрый песок, глубоко впился в него пальцами, вцепился в землю

всеми невесть откуда взявшимися силами. Отталкиваясь и суча ногами, он сумел приподняться и рванулся вперед, приземлившись животом на нечто напоминающее сухой песок.

«Я на берегу, — подумал он. — Я... живой... Я... господи... я... я на берегу!»

Он чувствовал песчинки во рту, ощущал, как они скрипят на зубах и щекочат язык, колют щеки и лезут в глаза. Насколько он мог судить, боль не утихла, но ощущение движения исчезло, грудь больше не сдавливает, дышится легко. И он не тонет. Но не успел Даллас подумать, как некая сила в окружающей темноте вновь потянула его в бездну мрака и отчаяния.

Когда накатила безысходность, Даллас мог лишь надеяться и молиться, что действительно добрался до берега — что казалось невозможным в его ситуации. И что ощущения, которые он испытывает, — не уловки сознания, они не стараются отвлечь, пока океан заглатывает его и тянет в глубины, из которых нет спасения. Может, его чувства есть просто галлюцинации умирающего разума. Если так, то он все еще болтается в бушующем океане и, вероятно, уже умер. Но если все вокруг реально, тогда, возможно, у него есть шанс. Слабый, но тем не менее шанс.

Даллас моргнул. Несмотря на жжение в глазах от песка и соленой воды, теперь он мог видеть, но из-за крайне размытого зрения и крошечной ночной темноты у него сильно закружилась голова. Он уперся руками в песок и почувствовал под ладонями твердь. Он закашлялся, выблевал морскую воду, затем снова впал в забытие или нечто подобное.

ГРЕГ Ф. ГИФЬЮН

И оказался там, во тьме.

Сны о яростной борьбе вопиют ему из темноты, его тело извивается и бьется в слепой панике, так как всякое чувство ориентации утрачено. Он в воде, у самой поверхности, и погружается в бездонный лабиринт океана. Давлением его тянет вниз, все звуки превращаются в жуткие отголоски и стоны. Несмотря на жжение, он пытается открыть глаза и отчаянно ищет выход. А затем, так же внезапно, всплывает. Его тело выныривает на поверхность, такое же ничтожное и бесполезное, как и мусор в воде рядом с ним. Он пытается звать на помощь, но у него вылетает лишь сдавленный хрип, когда морская вода безжалостно устремляется в рот и заливает горло. Он борется с могучими волнами и бурным океаном, пытается хоть как-то сориентироваться, но он потерялся в ночи, в шторме, в бушующем море. Его крутит как волчок, то он глотает морскую воду, то хватается ртом воздух. Нет ни верха, ни низа, ни спереди, ни сзади — ничего. Лишь громады волн и тьма вокруг, волны проглатывают его, засасывают, затыкают ему рот, а ветер свистит в ушах, и далеко в ночи звучат раскаты грома.

А еще ему снятся молнии. Зазубренные копыя, они не похожи на те, что он видел до этого. Яркие и огромные, как спецэффекты из голливудского блокбастера. Они с треском раскалывают небо огромными вилами, и он благодарен за это, ибо теперь знает, где небо, что вверху, а что внизу. Но легкие не перестают бороться, ему по-прежнему

не хватает воздуха. Океан поглощает, заполняет его. Становится с ним одним целым. Сильный пожирает слабого. «Я умираю, — думает он. — Я умру жестокой смертью, в этом месте, в эту ночь».

Некоторое время спустя вода вернула его в чувство. А может, солнце. Он не был уверен, что именно, и ему было все равно. Он знал лишь, что уже не спит, а значит, жив. И когда Даллас поднял голову с горячего песка и прищурился от неожиданной яркости дневного света, то понял, что прошлая ночь ему не приснилась. Все это произошло на самом деле. Яхта действительно затонула во время шторма. Он вместе с остальными спрыгнул в воду, и все, кроме одного из них, члена экипажа по имени Дэвис, добрались до плота. Из восьми человек на плоту уместилось лишь шестеро, а значит, двоим нужно было постоянно плыть рядом, держась за борт. Кроме того, капитан был ранен и не мог двигаться, остальным же приходилось меняться; в мучительные дни и кажущиеся бесконечными ночи они пытались выжить изо всех сил. Три дня и три ночи они дрейфовали в Тихом океане. Не видели ни полоски земли, ни самолетов, ни спасательных судов. А затем налетел очередной шторм и опрокинул плот. Даллас был уверен, что погибнет, но он выжил, его выбросило на какой-то берег.

Он закричал и попытался шевельнуть пальцами рук, затем кистями, а потом и руками полностью. Мышцы отвердели и болели, но двигать руками он мог довольно свободно. Затем Даллас пошевелил пальцами ног и ступнями, и наконец ногами полно-

стью. Опять же, кроме боли в мышцах, каких-либо серьезных повреждений он не почувствовал. Но когда попытался подняться на четвереньки, будто отжимается, у него снова заболело, как прошлой ночью. Резкая и острая боль пронзила грудь изнутри. Легкие горели, жгучая боль поднялась к плечам и шее. Он ударился обо что-то твердое и мог лишь надеяться, что в груди ничего не сломано и не повреждено. Даллас вдохнул, сперва неглубоко, а потом чуть поглубже. Когда он вдохнул полной грудью, боль стала невыносимой. Несколько лет назад Даллас переболел пневмонией, и, хотя он знал, что это не она, ощущения были похожими. Он закашлялся. В горле и в легких жгло. Стараясь не обращать на это внимания, Даллас пополз по пляжу прочь от воды. Обессилев, перевернулся на спину. Полежал немного, дышал глубоко, не обращая внимания на боль.

Над ним раскинулся купол ярко-голубого безоблачного неба. Даллас повернул голову и сплюнул, но так и не смог избавиться от набившегося в рот песка и грязи. Привкус был такой, будто он проглотил одну половину океана, а другой прополоскал рот. Даллас утерся о предплечье и снова сплюнул. Несколько дней он боролся с голодом и жаждой, пытаясь изо всех сил экономить вместе с остальными скудные запасы воды и продовольствия. А теперь при мысли о еде и питье ему делалось дурно.

Сколько-то минут спустя он сумел сесть, но по-прежнему был слишком слаб, чтобы встать. Поэтому остался сидеть и, пока сознание медленно приходило в норму, принялся разглядывать окружающую

